

Долженков Валерий Николаевич

**РОЛЬ ПРЕСУППОЗИЦИИ ПРИ СЛОВЕСНОМ ОБОЗНАЧЕНИИ ОЦЕНКИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ
В ДИАЛОГЕ**

В статье рассматриваются проблемы истолкования значения пресуппозиции в диалоге и ее природы как зоны пересечения когнитивных пространств коммуникантов, актуализирующейся в процессе коммуникации. Автор акцентирует внимание на важную роль пресуппозиции в определении развития речевой ситуации в диалоге. Обосновывается необходимость учета интерференции когниций говорящего и реципиента при оценке речевого поведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 81-84. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматриваются проблемы истолкования значения пресуппозиции в диалоге и ее природы как зоны пересечения когнитивных пространств коммуникантов, актуализирующейся в процессе коммуникации. Автор акцентирует внимание на важную роль пресуппозиции в определении развития речевой ситуации в диалоге. Обосновывается необходимость учета интерференции когниций говорящего и реципиента при оценке речевого поведения.

Ключевые слова и фразы: пропозиция; пресуппозиция; речевое поведение; речевая коммуникация; сопряжение; акт коммуникации.

Долженков Валерий Николаевич, к. филол. н.
Российский государственный социальный университет
valdolzhenkov@yahoo.com

**РОЛЬ ПРЕСУППОЗИЦИИ ПРИ СЛОВЕСНОМ ОБОЗНАЧЕНИИ
ОЦЕНКИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ДИАЛОГЕ[©]**

Для анализа дискурса с обозначением оценки речевого поведения партнера в диалоге имеется понятие пресуппозиции. Исследователями отмечается, что в составе имплицитной информации, передаваемой предложением, можно выделить конкретные ее виды, и в частности, следствия (импликации) и пресуппозиции (презуппции). Разнообразие разновидностей имплицитной информации увеличится, если от изолированных от контекста предложений перейти к высказываниям в дискурсе [2, с. 215].

Согласно Р. С. Столнейкеру, под пресуппозицией понимается «пропозициональная установка... Любой участник речевого контекста (отдельное лицо, группа лиц, организация, возможно даже машина) может быть субъектом пресуппозиции» [5, с. 429]. В качестве ее содержания может выступать любая пропозиция. Пропозиция является пресуппозицией в прагматическом смысле, если говорящий считает ее истинность само собой разумеющейся и исходит из того, что другие участники контекста считают также. Набор пресуппозиций человека определяется на основании тех утверждений, которые он делает, вопросов, которые он задает. Пресуппозиции – это не что иное, как пропозиции, неявно подразумеваемые еще до начала передачи информации.

Пресуппозиции играют существенную роль в определении того, как будет развиваться речевая ситуация; поэтому для достижения взаимопонимания крайне важно, чтобы участники имели общий набор пресуппозиций. Если кто-то из участников речевого взаимодействия уверен, что данная пресуппозиция истинна, это еще не делает ее пресуппозицией; при этом он должен быть уверен, что остальные участники контекста полагают так же. Общие пресуппозиции участников речевой ситуации являются, возможно, самой важной составляющей контекста [Там же].

В качестве примера рассмотрим следующий обмен диалогическими репликами:

- Really? **You don't know what you're talking about.**
- But I'm curious, and I wouldn't mind finding out [7, p. 71]. /

На самом деле **ты не понимаешь, о чем говоришь.**

А я любопытен и не прочь выяснить, что к чему (пер. Е. Сидоров).

В первой реплике содержится резко негативная словесная оценка речевого поведения партнера (You don't know what you're talking about / Ты не понимаешь, о чем говоришь). Известно, что каждый, кто говорит, уверен в том, что он знает, о чем он говорит. Поэтому утверждение о том, что тот, кто говорит, не знает, о чем он говорит, является разрушительным для статуса того, речевое поведение которого оценивают таким образом. Это знание составляет содержание пресуппозиции «говорящий обязан понимать то, о чем он говорит». Однако для рассматриваемого речевого акта принципиально важно, что аналогичным знанием располагает и тот, кого так оценивают. Иначе прагматический потенциал высказывания, состоящий в побуждении партнера к изменению принятой им стратегии или тактики речевого поведения, не будет реализован.

Говорящий считает истинность рассматриваемого правила («необходимо знать, о чем говоришь») само собой разумеющейся; он исходит из того, что слушающий также считает истинность данного положения само собой разумеющейся; данную пропозицию можно считать явно подразумеваемой еще до произнесения высказывания; тем самым данная коммуникативная импликатура («необходимо знать, о чем говоришь») является полноценной пресуппозицией. Следует отметить, что коммуникативная полноценность пресуппозиции основывается на сопряжении в высказывании знакового продукта деятельности говорящего со знаковой программой для деятельности реципиента [4, с. 71] в том смысле, что и знаковый продукт, и знаковая программа сопряжены в одной и той же дискурсивной субстанции.

Пресуппозицию определяют также как известное, которое прямо не высказано и не нуждается в выражении. В частности, в высказывании, в котором содержится резко негативная словесная оценка речевого поведения партнера (You don't know what you're talking about / Ты не понимаешь, о чем говоришь) пресуппозиция

«говорящий обязан понимать то, о чем он говорит» не высказана. Она полагается как известная; она не нуждается в выражении, но она определяет построение высказывания, поскольку пропозиция данного высказывания полностью основывается именно на данной пресуппозиции. В этом случае пресуппозиция выступает в качестве контекста, для которого «может быть избран ряд различных множеств допущений, извлеченных из различных источников – долговременной памяти, кратковременной памяти и восприятия» [6, с. 226].

Пресуппозиции необходимы для построения высказывания. Как мы можем сказать, например, «передайте молоко, пожалуйста», не предполагая, что это молоко и что тот к кому мы обращаемся в состоянии сделать это. Или то, что это «молоко» является предметом.

Если мы что-либо вполне очевидно упоминаем, то получается, что этот предмет (вещь) мы выносим на передний план. Если мы считаем необходимым это сказать, то это приводит к таким вопросам, как «почему он это говорит? он пытается убедить меня?» Может быть, этот предмет (вещь) в действительности не является тем, на что выглядит. Мы бы сказали, что «Вы способны передать мне тот кувшин с молоком; пожалуйста, передайте его».

Если мы что-либо предполагаем, это остается на заднем плане. Если это уже и так понятно (или будет понятно из контекста), то мы это не упоминаем. В гипнозе, например, это сводится к предположению, что гипноз будет «работать». Например, когда бы мы сказали «как Вы думаете, Вы бы себя чувствовали под гипнозом?», что предполагает: «Вы» будете успешно загипнотизированы. Однако эта формулировка (а не «как бы Вы себя чувствовали, если бы гипноз сработал») естественно является следствием знания того, что гипноз будет «работать», и, в таком случае, нам не следует осознанно беспокоиться о пресуппозициях. Фактически, мы не хотим предполагать что-либо, если мы на данный момент в этом не уверены; но в том случае, если мы захотим предположить, то мы можем пойматься (загнать себя в тупик). Если же мы стремимся предположить что-либо, что противоречит тому, как другие представляют эти предметы (вещи), то это ведет к появлению сигналов типа: «он пытается меня обмануть!»

Когда мы общаемся, используя естественный язык, как в устной, так и в письменной форме, слова, используемые нами, передают лишь только часть значения нашего акта коммуникации. Другими словами, только часть нашего общения является открытой (которая предполагает, что существуют части общения, являющиеся чем-то другим, чем открытая). Наше языковое общение также раскрывает значения, которые прямо не указаны в словах, используемых нами. Иначе говоря, части нашего общения не включены в слова, которые мы используем, но подразумеваются, когда те слова оказываются рядом; и эти части общения, которые больше подразумеваются, чем выражаются эксплицитно, и известны как пресуппозиции. Все высказывания в диалоге содержат или подразумевают пресуппозиции, которые мы могли бы произносить в действительности, если бы мы должны были подтвердить что-либо, что мы говорим постоянно и неоднократно.

Саму речевую коммуникацию можно определить как закономерный процесс знаковой координации деятельности коммуникантов средствами языка [1, с. 73-75], а пресуппозиции являются мощными элементами этой речевой коммуникации в трёх основных случаях:

1) когда мы находимся в конце восприятия акта коммуникации, подразумеваемое значение, доступное нам в пресуппозициях (воспринимая, мы практикуем сенсорную чувствительность и, таким образом, в состоянии обнаружить их), часто дает нам гораздо больше информации и понимания, чем значение, выраженное самими словами. То есть, то, что человек не говорит, часто раскрывает его модель мира больше, чем в произносимых им словах;

2) когда мы находимся в конце передачи акта коммуникации, мы можем активно использовать пресуппозиции, желая передать информацию и значение просто для того, чтобы обработать наш процесс общения. Реципиент, скорее всего, согласится с меньшим сопротивлением, чем могло бы быть в случае, если бы мы передали их открыто;

3) когда мы используем в нашем языке пресуппозиции чтобы управлять человеком, с которым общаемся, для создания особых внутренних представлений, которые бы соответствовали нашим целям.

Рассмотрим следующую фразу:

– Я не могу решить, какую обувь мне носить.

На первый взгляд, это простое высказывание почти ничем не примечательно; и, если бы кто-нибудь сказал это, мы вряд ли даже удивились. Это, примерно, также интересно, как смотреть на процесс засыхания краски (если, конечно, наблюдение за засыханием краски является вашей идеей невероятно интересного времяпровождения, когда вы ждёте своего друга или подругу).

Если посмотреть немного глубже, мы поймём, что эта фраза содержит ряд пресуппозиций, в том числе:

- Я существую.
- Существует обувь.
- Имеется более чем одна пара обуви.
- Обувь можно носить.
- У меня есть потенциал, чтобы носить обувь.
- У меня есть потенциал, чтобы принять решение.
- У меня есть доступ к нескольким парам обуви.
- У меня есть возможность сделать выбор из нескольких пар обуви.

Неожиданно эта простая фраза становится гораздо интереснее (ну, может быть, и нет, но мы должны научиться думать так, если хотим быть в состоянии обнаружить и эффективно использовать пресуппозиции).

Если мы на минуту задумаемся, то поймём, что прочитали обычную языковую фразу и, вероятно, сочли её ничем не примечательной. А что мы, вероятно, не осознавали – это, фактически, то, что подсознательно согласились со всеми вышеперечисленными пресуппозициями просто для того, чтобы предложение (фраза) имело смысл.

Почему пресуппозиции важны в речевой коммуникации?

Пресуппозиция – это убеждение в предпосылке (то, что существует, недосказано и помогает понять смысл того, о чем говорит человек). Когда человек что-либо говорит (делает высказывание), значение фразы должно совпадать с произнесенными словами, и это значение существует только в контексте того, что еще позиционируется в мыслях человека, что обеспечивает смысл сказанного. Когда говорящие пытаются общаться, их пресуппозиции не известны друг другу. Именно тогда и поэтому и происходит недопонимание.

Возьмем пример. Кто-либо говорит: «Вы перестали избивать свою супругу?». При каких обстоятельствах этот вопрос имеет смысл? Какие пресуппозиции необходимы для того, чтобы понять смысл и быть понятым?

Во-первых, это предполагает, что у «Вас» есть супруга. Также существует пресуппозиция, что Вы «избивали» свою супругу. Вопрос не имеет смысла без данной пресуппозиции, так как зачем человек спрашивал бы другого о том, прекратил ли он делать что-либо, что он в любом случае никогда не делал.

Во-вторых, проблема общения состоит в том, что если один его участник обладает рядом пресуппозиций (Вы избивали свою супругу и т.п.), то другой знает, что тот никогда не избивал супругу и эти пресуппозиции скрыты. И в этом случае, какой разумный диалог здесь может иметь место? Безусловно лишь то, что это является неприятным аргументом как для говорящего, так и для реципиента.

Когда мы пытаемся понять то, что кто-либо сказал, мы применяем закон Миллера (научение методом проб и ошибок... «нельзя ничего сказать о глубине лужи, пока не попадешь в нее») [3, с. 120] и копаем глубже, задавая вопросы, с тем, чтобы выявить пресуппозиции человека. Когда мы разговариваем, мы делаем сознательные усилия на использование любых имеющихся у нас важных пресуппозиций для того, чтобы их можно было обсудить.

С лингвистической точки зрения, причиной наличия пресуппозиций является то, что они необходимы для сокращения объема речи говорящих. Если бы мы вынуждены были проговаривать любую деталь, чтобы подчеркнуть именно то, о чем мы пытаемся сказать, то в этом случае мы никогда бы ничего не сказали. Язык – это стенография, а пресуппозиции позволяют нам использовать языковую стенографию.

Можно представить ситуацию общения примерно так: все, что мы говорим, будет полностью восприниматься кем-либо (реципиентом), если он считает это приемлемым. По большей части, то, что делают люди, когда мы говорим с ними, не является тем, что они пытаются продуманно переосмыслить свои взгляды, чтобы найти основания, которые подтверждают или опровергают наши слова. На самом деле, их мысли фокусируются на предметах (вещах), которые, в сочетании с тем, что происходит в их умах, вызывают те или иные чувства. Если в их мыслях преобладает тенденция не соглашаться, то они, вероятнее всего, отвергнут сказанное нами. Если они чувствуют, что сказанное для них приемлемо, то всё будет наоборот.

Пресуппозиции являются прекрасным примером использования соглашательской стороны человеческой природы: всякий раз, когда мы говорим то, с чем человек легко согласится с учетом его текущего психического состояния, тенденция к тому чтобы соглашаться с нами в некоторой степени возрастает. Мы, например, можем высказываться осторожно, придерживаясь прописных истин («сегодня холодно», «у Вас теплая куртка» и т.п.), но через некоторое время это будет восприниматься странным. Если мы решимся предположить, что может показаться разумным и правильным кому-то в данной ситуации (и что, по большей части, не является таким очевидным), тогда механизмы пресуппозиций будут порождаться другими истинами. Достаточно сказать, что абсолютно всё, что человек не отвергает, имеет своё воздействие. И замечательно также то, что мы постепенно можем осознавать все едва различимые пресуппозиции в повседневных разговорах (теперь будет совершенно не трудно попасть в тему!) и это, на самом деле, становится затем на удивление легким и быстрым процессом.

Вполне очевидно, мы заметим и возрастающую эффективность использования пресуппозиций при общении с представителями различных возрастных групп. В дальнейшем можно более осознанно исследовать способы достижения лучшего результата.

Пресуппозиции являются мощными инструментами для манипулирования речевого поведения в диалоге. Чтобы защитить себя, необходимо знать, как они используются, как их распознать и как на них реагировать.

Список литературы

1. **Долженков В. Н.** Координация коммуникативной деятельности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35). Ч. 2. С. 73-75.
2. **Кобозева И. М.** Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.
3. **Миллер Дж.** Язык и общение. США: МакГроу-Хилл, 1951. 250 с.
4. **Сидоров Е. В.** Онтология дискурса. М.: Издательство ЛКИ, 2009. 232 с.
5. **Столнейкер Р. С.** Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Прагмалингвистика. С. 419-438.
6. **Шпербер Д., Уилсон Д.** Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. С. 212-233.
7. **Cooper M. A.** Forgive and Forget. N. Y.: Pioneer Communications Network, Inc., 1994. 188 p.

**ROLE OF PRESUPPOSITION UNDER VERBAL EVALUATION
OF VERBAL BEHAVIOUR IN A DIALOGUE**

Dolzhenkov Valerii Nikolaevich, Ph. D. in Philology
Russian State Social University
valdolzhenkov@yahoo.com

The article examines the problems of interpreting the meaning of presupposition in a dialogue and its nature as a zone of intersection of communicants' cognitive spaces actualizing in the process of communication. The author emphasizes the important role of presupposition in predicting the development of communicative situation in a dialogue. The researcher argues for the necessity to consider the interference of cognitions of the speaker and recipient while evaluating verbal behaviour.

Key words and phrases: proposition; presupposition; verbal behaviour; speech communication; connection; communication act.

УДК 81-26

Филологические науки

В статье анализируется лексика повести Николая Куулара «Моя любимая – хозяйка Танды Дангына». Главной героиней повести является сказочный персонаж – Дангына. Описывая портрет и условия быта её жизни, автор использует богатейшую лексику современного тувинского языка, в составе которой широко представлены мифологизмы, этнографизмы, экзотизмы. В предлагаемой статье данные слова подразделяются на небольшие лексико-семантические группы. Через образ Дангыны автор призывает сохранить древнюю духовную культуру тувинцев.

Ключевые слова и фразы: мифологический образ; анализ лексико-семантических групп; мифологизмы; этнографизмы; экзотизмы.

Доржу Клара Бурбулдеевна, к. филол. н., доцент
Тувинский государственный университет
dorzhukb@mail.ru

**ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ОБРАЗОМ ДАНГЫНЫ, В ПОВЕСТИ НИКОЛАЯ КУУЛАРА
«МОЯ ЛЮБИМАЯ – ХОЗЯЙКА ТАНДЫ ДАНГЫНА»[©]**

Богатое устное народное творчество каждого народа до настоящего времени является источником вдохновения писателей разных поколений. Образы, созданные в глубокую древность, обогащают творческую энергию многих авторов и служат прекрасным примером в деле воспитания подрастающего поколения.

Многие фольклорные образы, удачно использованные во многих произведениях современной литературы, остаются жемчужным мостиком между историей и современностью. Опираясь на прекрасные фольклорные сюжеты и образы, многие современные писатели создают высокосодержательные произведения. «Писатели сибирских национальных литератур широко используют не только изобразительно-выразительные средства, образные приемы родного фольклора, но и его сюжеты, мотивы, принципы сюжетостроения и конфликтообразования» [2, с. 58].

Во многих мифах и героических сказаниях центральным персонажем являются Дангыны (Дакини, Дагини...) – царевны, обладающие сверхъестественными силами. «В мифах монгольских народов с распространением ламаизма Дакини – небесные девы, были включены в пантеон как один из классов мифологических персонажей. В широком смысле Дакинями называются все женские божества и духи» [4, с. 170].

Образу Дангыны как хозяйки Тайги посвящена повесть народного писателя Республики Тыва Николая Шагдыр-ооловича Куулара «Мээң таныжым – Танды ээзи Дангына» («Моя любимая – хозяйка Танды Дангына») [3].

Обращение автора к мифологическому образу Дангыны вызвано поиском яркого национального образа, который мог бы стать примером или образцом для современной молодежи. В данной повести Дангына по имени Тандыяна является хозяйкой тайги Танды-Уула (имя *Таңдыяна* произведено автором от слова *танды* 'тайга'), с ней на предгорьях Танды происходит встреча Саяна, главного героя и повествователя.

Образ Дангыны, созданный талантливым художником слова, обогащён яркими выразительными средствами, которые придают повести особый национальный колорит. В повести широко используются элементы мифологического характера, особо хочется отметить так называемые «развернутые пучкообразные эпитеты-характеристики, состоящие из простых и сложных эпитетов» [1, с. 48], характерные для тувинских героических сказаний.

Основную смысловую нагрузку в тексте несёт богатейшая лексика повести, через которую ощущаются авторская позиция и авторский взгляд. Основной мотив повести – призыв к нынешнему поколению